

...чем длиннее ряд предков, тем больше в семейной истории убийств и грабежей, ибо в старину эти два вида развлечений, сочетавших здоровый мотив с верным средством поправить расстроенное состояние, являлись одновременно и благородным промыслом, и полезным отдыхом...

ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС.
Жизнь и приключения MARTINA ЧЕЗЛВИТА*

В начале 1950-х годов мой двоюродный дед Саркис гостил в Батуми у друга Сако. Тот разоткровенничался: сил уже нет, а член горкома и хочу наследника. Так как молодой Саркис хотел стать главой как минимум райкома, то пообещал по возвращении в родной Капан сделать ребенка и постараться, чтобы сына. Через год, заставив жену тайно родить в селе, Саркис взял младенца и отправился с ним в Грузию, где жена Сако прикидывалась, что рождает не козлийный пух. Через шесть лет Сако умер от рака печени, его жена, не выдержав одиночного материнства, исчезла, а Саркис, став главой капанского райкома, усыновил собственного сына: Титико Сакович Майсурадзе превратился в Тиграна Саркисовича Туманяна.

Примерно так же и с этой книгой: началось с того, что я рассказывал историю своей семьи взрослым друзьям; те авторитетно настояли, чтобы я зафиксировал все письменно; я записал истории, подождал кучу лет, пока умрут некоторые родственники, а чтобы не нажить врагов среди других, поменял имена и детали и вынужден констатировать, что все персонажи вымышлены и любые совпадения случайны, хотя это и не вполне так.

* Пер. с англ. Н. Дарузес.

ВВЕДЕНИЕ

Чем я хуже собаки

Полностью меня зовут Гарегин Гургенович Геворгян — и это огромная несправедливость. С отчеством подлость в том, что, когда родился мой отец, у дедушки Гарегина и бабушки Сатеник был сын, который носил популярное армянское имя Геворг. Тогда Гарегин-папи* задумал дать второму сыну такое имя, какое не знает никто, — он был начальником районного отдела культуры, поэтому слыл человеком творческим. И есть такая армянская шутка, что любой новорожденный выписывается из роддома Арменом или Арменуи (что не так уж и глупо, если знать, что имена эти значат «армянин» и «армянка»), а уже потом родители переоформляют свидетельство о рождении. Позже, с дочкой Арменуи, Гарегин-папи решил зря за голову не браться, а вот над именем моего будущего отца думал долго: Сати-тати** говорит, что еще трехмесячным мой отец был Арменом, пока деда не озарило, что Горгом ничем не хуже. В загсе выяснилось, что в городе уже есть один мальчик Горгом и по случайному совпадению он сын начальника паспортного стола, который, как любой правильный армянин, получивший чуть-чуть власти,

* Дедушка (арм.).

** Бабушка (арм.).

решил, что имя это отныне монополизировано и принадлежит ему и больше Горгомов быть не должно. Гарегину-папи не оставалось ничего лучше, как взять что-то похожее на Горгома, — так он остановился на обычном имени Гурген, которым и назвал моего отца, рассудив, что тот сам потом поборется за право именоваться Горгомом. Борься, однако, не пришлось, потому что сын начальника вскоре умер от свинки.

Так и росли Горгом-папа*, Геворг-хопарь** и Арменуи-кхокурь*** — каждый с мыслью, что назовет своего первого сына Гарегином. Сначала у дяди Геворга родилась дочка, но Гарегиньей он ее назвать постеснялся, поэтому она Фаина теперь. Потом сын родился у тети Арменуи и она, конечно, тут же назвала его Гарегином, но мои отец и дядя две ночи переубеждали ее, что нельзя это имя отдать под Петросянов (фамилия мужа тети), и в конце концов она сдалась, назвав сына Давидом — в честь Давид-Бека, освободителя Капана, памятник ему стоит на центральной площади.

А потом родился я — первый сын по мужской линии, Гарегин Гургенович. Следом пошли мой двоюродный брат Горгом (в честь младшего брата дяди, моего отца) Геворгович, потом — мой родной брат Геворг (в честь брата моего отца, моего дяди) Гургенович. В начале 1994 года родился еще один мой родной брат — и тут наступил кризис имен, потому что все Гарегины, Горгомы и Геворги использованы, всем оказана честь, все хотели дочку, а тут такое. Опять в свидетельство поставили «Армен» и пошли по домам придумывать имя. Из ступора всех выводит трагический случай: на войне погиб сын уже упомянутого Титико,

* Отец (арм.).

** Дядя со стороны отца (сокр. от «хойр экпайр» — «брат отца») (арм.).

*** Тетя со стороны отца, сестра отца (арм.).

Сейран, — и в память о нем его имя получил наш с Геворгом-ахперем* брат.

Род по отцовской линии — Мелик-Хачатряны — считался княжеским по тому праву, что мой прапрапрадед Геворг был наместником семи сел. Он так много повоевал, что стал Геворг-беком, и это настолько вскружило ему голову, что он отмежевался от Мелик-Хачатрянов и пустил новую ветвь Мелик-Геворгянов. С прапрадеда Гарегина пошла традиция сохранять в роду имена Геворг и Гарегин, а княжеская приставка «Мелик» отпала от страха, вызванного приходом советской власти.

* Брат (арм.).

Часть 1

СЕМЬЯ МАТЕРИ

ГЛАВА 1

Горностоям чужды заботы простых людей

В середине 1950-х годов мать моей матери, Вартик-тати, жила со своими мамой и младшей сестрой в деревне Арачадзор (в переводе — «первое ущелье»), которая была в составе области городка Ленгруппа (типа «ленинские горы», в пяти километрах от Капана). По югу Армении было известно, что именно в Арачадзоре живут самые глупые женщины в мире, — виной тому были молибденовые месторождения, действующие со времен Второй мировой, и постоянный северный ветер, который пригоняет туда ядовитые пары, пагубно влияющие почему-то только на женские головы. Поэтому мой будущий дед Эдвард, сам будучи из Ленгруппы, не питал надежд найти себе здесь жену.

Эдвард-папи редко появлялся в Арачадзоре, он приезжал сюда иногда на выходные к похожему на Гитлера старшему брату Размику (родители их умерли молодыми, и следила за ними выпивающая тетя, у которой своих детей было то ли двенадцать, то ли тринадцать). Развлекались два брата тем, что измывались над арачадзорками: например, ловили девушку и забрасывали ее математическими вопросами про самолеты из точек А и Б. Больше всего они смеялись не потому, что те не знали решения, а потому, что

интересовались, что такое самолет. Так у них укрепились пренебрежительное отношение к женщинам, но был и обратный эффект — в Эдварда влюбились все деревенские девочки. А когда статный и умный Эдвард в двадцать пять лет пошел работать сразу на руководящую должность в угледобывающую шахту в Ленгруппе, так и вовсе с ума посходили.

Несколько раз Эдвард-папи похищали местные отцы, чтобы женить на своих дочерях. Поначалу они, конечно, в отчаянии сулили в приданое тонны муки и куболитры тутовой водки, но чаще дело заканчивалось ударом куском молибденита по голове за большим кустарником. В итоге у моего будущего деда было несколько сотрясений мозга, вместо носового хряща ему вставили какую-то железяку, несколько раз угрожали убить, а один раз даже стреляли, но пуля прошла насквозь, не задев ничего важного. Был случай, когда его вовсе увезли далеко за Арчадзор в заброшенную церковь, где морили голодом. Когда его вызволил Размик, повязанные молодые мучители признались, что Эдварда они заперли, чтобы проучить, а то не получается конкурировать с ним.

После этого случая Эдвард-папи сосредоточился на работе в Ленгруппе. Когда ему исполнилось двадцать семь, начальство наградило его комнатой в коммуналке, и это событие дед приехал отмечать в Арчадзор. Гуляли мужской компанией, потому что Размик испугался, что с девушками дело может плохо закончиться. И как-то ночью Эдвард-папи вышел в нужник. Не опуская физиологических подробностей, Вартик-тати рассказывает, что гоняла тогда ночью шакалов от курятника и увидела, как некто при лунном свете зигзагами перебегает через мост, долго смотрит себе под ноги, расстегивает брюки и падает в кусты. И пошла посмотреть, что там такое произошло. Нашла она любимца деревни на карачках с голой задницей и упершимся головой в землю. Вартик-тати испугалась и побежала обратно, но ее настиг Эдвард-папи. Он нес пьяный бред и звал выпить.

Думая, что Вартуш слабоумная, дед предложил загадку: он отпустит ее, если она даст правильный ответ на один вопрос. Дед снял обувь и сказал: «Считай, что каждый башмак — это погон пуль от пулемета, который тебе нужно доставить однополчанину, а ему там нужно отстреливаться. Но весят они, как ты понимаешь, много — скажем, десять килограммов каждый погон. И за один переход через реку тебе нужно донести двадцать килограммов пуль. Как ты это сделаешь?» И с этими словами он положил ботинки перед бабушкой, а сам встал на другом конце моста, чтобы той некуда было отступать. А Вартик-тати взяла башмаки и, жонглируя ими в воздухе так, чтобы в одно мгновение в руках был всегда один, перешла через мост, поставила один ботинок деду на голову, другой выкинула в речку и убежала в дом.

Эдвард-папи был покорен. И на следующий день вместе с братом он украл Вартуш и уехал с ней на ослах в горы — в заброшенную церковь. Там дед, прежде чем лечь с Вартик-тати в постель, пожелал еще раз удостовериться в ее сообразительности. Он усадил ее гадать на кофейной гуще. И выяснил, что она отменно варит кофе, но в бредни не верит. Так у него не осталось никаких сомнений.

Через день после кражи мама Вартик-тати, прабабушка Нвард, взяв в руки кусок молибденовой породы, пошла требовать дочку назад. Но Размик вежливо объяснил, что это будет позором на обе семьи. Он вручил ей 30 рублей на покупку туфель и платья, в которых Вартуш вынесут в Арачадзор. Вернувшись в село, Нвард столкнулась с другой проблемой: ее семью прокляло все село. На рынке ей не продавали муку, а водитель единственного автобуса, едущего до Ленгруппы, отказывался трогаться с места, пока она не выйдет. Вечером произошло несчастье: одна из отвергнутых ранее дедом девушек всадила себе нож в сердце. Ее разъяренный отец, струсив трогать владения Размика, переломал забор на участке дома Нвард, вытоптал посевы в огороде, украл ее

куриц, петуха положил в центре курятника с головой в заднем отверстии, а козу растерзал на части — тушу за вымя повесил на дерево, а голову насадил на калитку. Участковый закрыл на это глаза, милостиво оправдав эту бойню трагической смертью дочери. Свадьбу отложили на девятый день траура. Но вскоре еще одна девушка прыгнула в горящий тони́р (это такая дырка в земле, где жарят лаваш), и торжества перенесли на неопределенный срок.

С гор, чтобы разобраться с обидчиками, спустился Размик и нагрязнулся в дом несчастного отца, уничтожившего хозяйство Нвард. Нашел он его в подвале дома, где тот, уже напившись, облил себя тутовым самогоном и грозился поджечь, если Размик сейчас же не уберется. Несколько неосторожных реплик — и горемычному отцу пришлось сдерживать слово, после чего его с ожогами переправили в Капан. Всех его кур Размик перетащил в дом Нвард. В Ленгруппу за туфлями и платьем отправили младшую сестру Вартик-тати, Цолавард*. Там ее обманули: при покупке туфель продавец дорисовал цифру «два» на ценнике в девять рублей — и та отдала все деньги. Когда Цолавард вернулась в Арачадзор, то даже не очень умная прабабушка Нвард попрекала ее за тупоумие, но сообразила, что платье для Вартик-тати можно сшить из тюля — бежевых (но к тому времени уже сильно выцветших на солнце) занавесок.

Еще месяц Эдвард и Вартуш играли в церкви в настольные игры, вырезали шахматные фигуры из молибденита и занимались сексом до изнеможения — кто выигрывал партию, мог быть снизу. В это время Размик пытался утихомирить население деревни. Водителя автобуса впервые за пятнадцать лет сменил другой; из соседнего села пригнали корову, верхом на которой сидел местный известный художник, державший над головой портрет суженых.

* Корень «вард», присутствующий в именах женщин в семье моей мамы, переводится как «роза».

Внезапно все поменялось: тех, кто страдает, стали ненавидеть, а за тринадцатилетней глупой Цолавард выстроилась очередь женихов из соседнего Антарашата. Так за две недели Размик вселил в жителей Арачадзора всю наполняющую его радость по случаю женитьбы брата.

Но по дороге в церковь он встретил изможденного Эдварда, несшего на руках обернутую в занавеску Вартуш, которую непрестанно рвало. Сменяя друг друга, они понесли ее в Арачадзор. Там прабабушка Нвард, осмотрев дочь, провозгласила ее беременной. Родня обеих семей сыграла небольшую подпольную свадьбу, сразу после которой молодожены переехали в комнату Эдварда в ленгрупповском общежитии.

ГЛАВА 2

Не перепрыгивай трусы

По приезду в Ленгруппу Вартик-тати, беременная Белой-мамой, начала раскрывать для себя бытовые повадки и характер мужа. Комната, куда они вселились, была закутком три на три метра. Справа стол из ДСП, а слева стол из красного дерева — на правом столе дедушка спал, а на левом стояли шахматы. Зарабатывал Эдвард-папи тогда на шахте 130 рублей, но с появлением жены захотел больше. Прошел обследование, которое выявило у него силикоз, — и ему сделали 70 рублей надбавки за инвалидность. Первое это начисление дед отдал соседке по коммуналке, чтобы та купила кастрюли в магазине: Эдвард действительно влюбился, и это у него выражалось в проявлениях ревности, по причине которой Вартик-тати из дома никуда не выходила. Так, взаперти, 15 августа 1959 года она родила мою маму Белу.

Эдвард-папи задумался о новом жилье и решил, что надо поговорить с начальником шахты. Связав ножки и клюв живой курице и положив ее в чемодан от аккордеона, Эдвард-папи пошел к начальнику, о котором было известно, что его жена умерла от рака, но весь город считал, что убежала за каким-то грузином; еще у него был сын, учащийся ереванского строительного института.

Дед приехал на встречу к концу рабочего дня, начальник принял его, прямо в кабинете они распили банку самогона,

но тут среди ночи позвонили из Еревана с прискорбной новостью: сын начальника умер на демонтаже памятника Сталину при падении обломка металлического листа книги, которую вождь держал в руке. Начальник срочно выезжает в столицу, Эдвард едет с ним, чемодан с курицей на заднем сиденье. Приехали в город под утро, опознали труп, стали оформлять бумаги на перевозку. Тело пообещали выдать на следующий день, и начальник с Эдвардом поехали на место смерти сына — к двадцатиметровому памятнику, стоящему на тридцатиметровом постаменте, внутри которого находился музей министерства обороны.

Начальник хотел плюнуть в лицо Сталину, и тогда Эдварду пришла в голову идея: метнуть в лоб вождю еле живую курицу, предварительно ее оплевав. Используя стойку из строительных лесов как шест, они запустили птицу вверх. Но курица — чудом вылетевшая из скопления перетяжек — подлетела на пару метров и застряла в выступе постамента. Пока начальник задыхался в истерике от смеха и слез, их заметил милицейский патруль, который задержал хулиганов и утек на трое суток в изолятор. В камере Эдвард и начальник стали друзьями — и тот пообещал помочь с квартирой сразу по возвращении в Капан. Им грозил суд, выдворение из окружных советов и куча всего еще. Но, приняв во внимание смягчающие обстоятельства, связанные со смертью сына, их отпустили. Более того, сердобольный милиционер сказал потом, что отпустил бы их вообще, если бы курица долетела до Сталина, потому что до вождя никому дела нет, но она угодила в постамент, а это уже — здание музея.

В Капане Эдварду-папи предоставили двухкомнатную квартиру. А начальник, не в силах пережить смерть сына, ушел в религию. Однажды он позвал Эдварда-папи в гости и показал кресты, которые поставил на заднем дворе своей дачи, где похоронен не только его сын, но и любимая жена. Здесь же он и признался, что сам распускал слухи о ее побеге с грузином, потому что рак — болезнь позорная

и уж лучше пусть все думают, что он рогоносец. После этого признания он взял с моего деда обещание похоронить его между сыном и женой, где он заблаговременно вырыл яму.

Через два года начальник подарил Эдварду свой старый зеленый «Москвич-410» и гараж в придачу. Он часто бывал у Эдварда и Вартуш дома и, напившись, называл себя крестным моей матери. Позже начальник перекинулся с религиозной агитацией на детей работников шахты и на одном из субботников, куда человек двести пришли с семьями, созвал всех в туннель и с ходу принялся читать молитвы. Толпа в панике разбежалась, чуть не растоптав друг друга.

В 1968 году начальник опять съездил в Ереван — на этот раз на торжественное открытие памятника Матери Армении, установленного на постаменте, где раньше стоял Сталин. По возвращении он слег и умер — Эдвард-папи его похоронил там, где и обещал. Правда, пришлось убрать кресты с надгробий, чтобы не провоцировать соседей. Их дед положил в гроб с кульком серебряных крестов, предназначенных для крещения детей работников шахты. Сам участок пришлось засеять травой, так что долгое время (до конца 80-х, пока их не обнаружил мой отец) никто не знал, что на этом месте кто-то вообще похоронен.

ГЛАВА 3

Как бы это и лежать, и пойти

Овик-кхери* — старший брат моей мамы, хотя весь дальнейший рассказ о ней я буду писать, исходя из идеи, что она была единственным ребенком своих родителей, — считал, что ему лично, как армянину, обязан весь мир, потому что его соотечественники только и делали, что страдали веками от гнета и преследований со стороны остального человечества. Почему именно ему за боль предыдущих поколений должно было воздаться, дядя объяснить не мог, но от претензий ко вселенной не отказывался.

Еще в конце 70-х, сразу по окончании школы, Ованеса призывали в армию и он поехал служить под Мурманск. Там он чувствовал себя жертвой и страдал, что никто не ценит его как представителя самой обиженной нации. Когда стало казаться, что эту дурь сослуживцы насильственным способом все-таки выбьют из него, дядя Ованес познакомился с Ахмедом. Тот защищал его от нападков в обмен на папиросы. Невесты у дяди, разумеется, не было, и Ахмед предложил ему писать его двенадцатилетней сестре Фариде. Он также предупредил, что она не бог весть какой красоты, поэтому надеяться особо не на что, а переписку стоит затеять, чтобы авторитет среди парней поднять. Два

* Кхери — дядя со стороны мамы (арм.).

года Овик-кхери поддерживал видимость отношений, изливая ей, что мир устроен так несправедливо к армянам. Она вроде отвечала с пониманием, и после дембеля он поехал ее навестить. Однако оказалось, что старший брат Рахва увез Фариду в Череповец, где подыскал ей хорошую школу.

Фотографией Фарида ее братья не стали травмировать моего дядю, так что в Череповец он поехал с бумажкой с адресом. В городе Ованес заблудился, и его, окоченевшего, на улице подобрала девушка по имени Галя и спасла от верной смерти. Так и не повидав Фарида, Овик-кхери вернулся в Капан с Галей и объявил, что она его невеста. Весть быстро дошла до братьев Фарида, но виду они (Ахмед, Мусрум и Рахва — держатели небольшого виноградника в окрестностях Капана) не показали, потому что жили на армянской территории и старались не выкобениваться. Галя и ребенок умерли при родах, Ованес захандрил. Будучи страдающей натурой, он тем не менее понимал, что мировой долг перед армянами сложно получить на родине, поэтому уехал из Капана в Ленинград в декабре 1982 года, забрав у Бельмамы часть подаренных по случаю моего рождения денег. Там его принял у себя приятель Эдварда-папи. Он пообещал, что возьмет Ованеса к себе на хорошую работу, а сам задумал выдать за него свою некрасивую дочь (тоже Галю). Помолвка произошла два месяца спустя, и бабушке с дедом пришлось продать гараж, чтобы оплатить свадьбу. По приезде молодоженов в Капан они узнали, что вторая Галя беременна, а новый тесть подарил Ованесу французский длинный кожаный бордовый плащ и устроил к себе на стройку бригадиром — так Ованес возомнил, что жизнь удалась навсегда. Он принялся праздновать каждый день.

Вскоре он начал изменять второй Гале и однажды увидел свое шмотье на улице, озверевших родителей первой жены, жену, которая подала на развод, и бледного себя в зеркале. Деду с бабушкой пришлось продать еще и машину, что на какое-то время обеспечило Овику-кхери беззаботное

настроение. Из Питера уезжать он не собирался. Там он познакомился с некоей украинской шпаклевщицей, и она позвала Ованеса жить в колонне ремонтируемой царской конюшни в Петергофе. Такое предложение дядя принял как должное, уже привыкнув, что судьба ему благоволит и воздаст.

Каждое лето конца 1980-х мы — я, Геворг-ахперь, Горгом-папа и Бела-мама — проводили в Москве, но в августе ездили навещать Овика-кхери в Ленинград. И пока мать с отцом уединялись в номере «Астории», дядя использовал меня с братом для знакомств. Облаченный в свой вечный плащ, он садился в тенечке, а нас посылал шупать симпатичных девушек. Если девушка обращала на нас внимание, то тут же появлялся Овик-кхери, тысячу раз извинялся и принимался рассказывать недоумевающим девицам страшные истории про горькую жизнь отца-одиночки, да к тому же армянина. По возвращении в гостиницу Ованес звонил в номер, чтобы наши родители спустились. Отдавал дядя нас обратно громко, по-армянски и как будто своим друзьям, чтобы девушка рядом ни о чем не догадалась и, все еще находясь под впечатлением, послушно поднялась за ним.

Примерно когда Ленинград переименовали в Петербург, Овик-кхери, так никого по-серьезному и не охмулив страданиями, вернулся в Капан — и поехал к турецким приятелям заливать раны. Там дядя, как сам потом рассказывал Беле-маме, в какой-то момент, сидя с братьями за столом, увидел на несколько мгновений Фарида в дверном проеме, но из-за алкоголя, затуманившего глаза, так и не смог ее разглядеть, запомнил только, что она толстая (тут же оправдывал ее, говоря, что это из-за тутовки она расплзлась в его воображении). А на следующий день, по возвращении в Капан, дядя попал в сочувствующие объятия соседки Ануш, стервы, лучшей жарщицы семечек. Через год было объявлено о помолвке, а первого октября 1991 года они сыграли свадьбу.

Отношения с турками у Ованеса оставались хорошими, Фариду они ему не показывали и прислали на свадьбу несколько бочек вина. Через месяц, первого ноября, Вартиктати, выпрыгнув из автобуса, сломала правую ногу, которую впоследствии пришлось ампутировать. Дядя и бабушка, взяв у Горгома-папы деньги, поехали в Ленинград за протезом. Там, на входе в НИИ протезирования имени Альбрехта, они столкнулись в приемной с Ахмедом, поддерживающим под локоть хромающую Фариду с марлевой повязкой на лице. Ожидая решения врачей, Овик-кхери успел перекинуться с ней парой слов, после чего твердо решил, что по возвращении в Капан подаст на развод и женится на ней, будь та хоть страшна как смерть. Однако Ануш забеременела, и дяде, проклиная судьбу за эти испытания, пришлось забыть о своих планах.

Примерно в это же время окончательно разваливается Советский Союз — и у семьи Фариды появляются проблемы. Приехав к их винограднику, Ованес находит его разграбленным, а братьев — избитыми. Перевязывая им раны, дядя обещает помочь им перебраться в Турцию. И на следующий день рано утром Овик-кхери приезжает на грузовике к винограднику турков. Сборы проходят в суматошной обстановке: зайдя к ним, дядя обнаруживает, что братья заперли Фариду в одной из бочек на случай, если на границе их решат перестрелять. Быстро побросав вещи в машину, Ованес, а также три брата и сестра в грузовом отсеке выдвинулись в сторону Арарата. На границе комендантский час, и проехать невозможно. И вот: полдень, орлы кружат, солнце печет, а огромный ЗИЛ на предельной для себя скорости 80 км/ч врывается в ограждение и несется около минуты по пустырю в сторону Арарата, потом делает разворот на 180 градусов, из машины высыпаются несколько бочек и человек. Бочки разбиваются — одна оказывается с вином, в другой одежда, но братья катят в сторону Арарата одну уцелевшую. Так дядя никогда в жизни не увидел лица Фариды.

В тот же день, вернувшись в Капан, Ованес застал беременную Ануш в постели с любовником, что стало для него отличным поводом, чтобы свалить из Капана еще раз. Он переехал жить в огромный сарай в Малаховку на дачу Геворга-хопара, который, мня себя армянским князем, взял шефство над Ованесом, чтобы показать в диаспоре, что заботится об обделенных. В этом же сарае жила бригада шпаклевщиц, которыми брат моего отца хороводил на стройках. Ованес сначала просто жил там, а потом начал спать с этими женщинами, которые от отчаяния посчитали невероятно сексуальным его страдающий вид. Овик-кхери мечтал стать бодибилдером, выкуривал десять пачек сигарет в день, разводил черепах, собирал копейки на пляже, мечтая купить новый плащ, часами напролет играл в пинг-понг в подвале, вырезал и собирал статьи Юрия Голышака из газеты «Спорт-Экспресс», учился танцевать румбу с Сати-тати и запоминал «Афоризмы житейской мудрости» наизусть.

Позднее Овика-кхери подвела неосмотрительность в сексе — и Геворг-хопарь попросил его уехать, а то мало того, что от самого Ованеса нет пользы, так еще и тлетворно влияет на остальных. Одна из шпаклевщиц увезла его с собой в Киев, а через неделю неожиданно выиграла в лотерею кучу денег. Они обменяли весь выигрыш на валюту и улетели жить к немецкой шпаклевщице во Франкфурт-на-Майне — в город, который Шопенгауэр считал самым спокойным местом на планете. Оттуда Овик-кхери написал Вартик-тати, что ему как армянину наконец-то все возместили. А благодарность за доброту он направил в сторону Фариды — помог ее братьям найти работу сантехниками во Франкфурте, и теперь они его содержат, потому что сам он женился на этой турчанке. Еще он попросил забыть о себе и оставить в покое. В общем, дальше я буду рассказывать о своей маме как о единственном ребенке в семье.

ГЛАВА 4

Зернистая, пористая, с волокнистым строением

Всеобщее восхищение Белой-мамой (назвали в честь венгерской певицы — любовницы Размика) началось, когда та еще не родилась. Беременная Вартик-тати гуляла в парке Ленгруппы, когда появились двое парней лет пяти-семи, схватили ее за живот и давай орать: «Моя! Моя!» И до того, говорит Вартик-тати, доорались, что один другому порвал ноздрю леденцом. Этими ребятами были Горгом-папа и Геворг-хопарь, у которого шрам остался на всю жизнь. Дядя припоминает, что это была игра, когда они с братом искали еще одну беременную женщину в пару к Сати-тати, беременную в то же время тетей Арменуи, чтобы каждому из них было кого защищать.

Когда Бела-мама родилась, ее поместили на сохранение к другому новорожденному мальчику, который орал словно пел. А когда Вартуш приехала с новорожденной домой, то соседский мальчик, которому было полгода, в этот же день начал ходить, но так до конца жизни и не заговорил. Позже практически каждый вечер родители соседских детей приходили просить обратно подаренные им отпрысками Беле-маме велосипеды, кукол, соски и одежду. Был один смелый мальчик, который дарил ей камни и просил их беречь (но Вартик-тати выкидывала их в речку, которая текла под

окнами квартиры). Однажды он постучался к ним, чтобы попросить камни назад: они ему понадобились, чтобы сломать головы мальчикам-конкурентам. Один из соседей пожаловался на Белу-маму, что из-за нее двор сошел с ума (в частности, его сын отказывался есть, пока она ему не помашет ручкой), — с тех пор Эдвард и Вартуш гуляли с ней по ночам, а соседским детям рассказывали, что дочь переехала в другой город.

Позже Белу-мamu на время увезли пожить в Арачадзор, но и там она притягивала внимание. Хозяйство прабабушки Нвард увеличивалось за счет подарков местной детворы — курицы и яйца, мотыги и лопаты. Вартик-тати говорит, что в один день она страшно перепугалась, когда, приехав в деревню, увидела четырехлетнюю развеселую Белу верхом на осле, погоняемом сельскими мальчишками. На мою мать, которую приревновали арачадзорские девочки, пытались выливать то ослиное дерьмо, то мазут, то рассол. И всякий раз на помощь приходил деревенский парень по имени Ваче, становящийся перед всем, что летело в ее сторону. В Арачадзоре же Размик часто брал Белу-мamu и двух своих дочерей в лес за длинными прутьями («чех»), к которым подвязывали лобio. Дочек своих Размик всегда грузил этим чехом, а моей матери давал всего два прутика, чтобы она подгоняла девочек со спины, отбивая ритм старой армянской песни про чистые горные реки (из оперы «Ануш») у них на затылках.

Вскоре Бела-мама пошла в обычную школу — и сразу во второй класс. Это стало досадной новостью для Ваче: убедив своих родителей, что должен ходить в городскую школу, он, восьмилетний, был принят только в первый класс, а во второй, что вдвойне обидно, зачислили Гамлета — того, который орал, словно пел. На всех занятиях мама сидела за первой партой с Офелией, Гамлет сидел сразу за ними, а Ваче сидел за дверью. На уроках английского Гамлет пересяживался за мамину парту, а Офелия перебиралась назад,

что бесило Ваче. Он пил чернила, съел целую стену мела в физкультурном зале, прыгал через лестничный пролет — и все это считал доказательствами любви к Беле. Он был туповат и курил, а вот Гамлет, наоборот, был милым и всегда находил, из чего сделать цветы (в ход шли газеты, тетради, мусор на улице), чтобы подарить их ей.

Класе в третьем Ваче и Гамлет подружились и поднадоели Беле и Офелии. Мать Офелии, которая была заведующей Центрального универсама, отдала дочку в музыкальное училище по классу канона (струнный инструмент, похож на арфу в горизонтальном положении). Три раза в неделю Бела-мама ходила туда вместе с Офелией и ждала в холле три часа, пока сначала шел урок сольфеджио, а потом канон у Сероба Хачатуряна. Так продолжалось около года, и однажды преподаватель заинтересовался девочкой, которая сидит и ждет часами. Хачатурян проверил ее слух и выяснил, что он у нее абсолютный. В тот же день Сероб поговорил с Эдвардом и Вартуш — и было решено, что за занятия семья Белы платить не будет, но канон ей купить надо. Бела-мама до сих пор помнит, что ее инструмент, купленный в Ереване, стоил 183 рубля, а канон Офелии — все 320. Но самый дорогой канон (415 рублей) был у Эмили — третьей девочки, младшей сестры Гамлета, которую Сероб по большому благу взял в свой класс.

Сероб вложил в них всю душу, сделал из них трио и назвал его «Сероби Кини» (что в переводе — «Женщины Сероба»): мать, Эмилия и Офелия играли в зале капанского музыкального училища, будучи еще в седьмом-восьмом классах школы. В девятом классе они выиграли республиканский музыкальный конкурс и их отправили в Ленинград. Там их музыкальная карьера и закончилась. Во-первых, их выступление было вне конкурсной программы, а во-вторых, в день концерта мать коротко постриглась, чем прогневала Сероба. Он запретил ей играть сольный номер («Танец Анитры»), тогда она специально сорвала коллективное

выступление, демонстративно порвав струны уже на третьей секунде. По возвращении в Капан Сероб упал с инфарктом и скончался через несколько дней.

Офелия была влюблена в Гамлета, Эмилия — в Ваче, а моя мать любила Демиса Руссоса. Бела-мама учила английский — и все ради того, чтобы познакомиться с этим греческим певцом. Тогда она решила завязать с музыкой и поступить в Институт иностранных языков имени Брюсова в Ереване. Она продала канон, а Эдвард-папи добавил — и мать купила себе джинсы Lee (220 рублей — третья в городе), кофту Joseph (80 рублей — вторая) и наняла репетитора по английскому (100 рублей в месяц — первая). Она утром выходила из дома в юбке до колен, в школе ее дважды загибала наверх, а по возвращении домой вновь опускала. Беле-маме многое прощалось, потому что она хорошо училась и была старостой класса, школу окончила с отличием, английский так вообще сама преподавала, когда их учитель болел. У нее был план: стать переводчицей, работать как проклятой, а там уж должно повезти встретить Демиса.

В летний день 1974 года, когда пятнадцатилетние Бела-мама, Офелия, Гамлет и примкнувшие к ним Ваче и Эмилия праздновали окончание школы, произошел дурацкий инцидент. Кто-то на улице крикнул в спину моей матери оскорбительный комментарий по поводу ее короткой юбки. Спокойный до этого Гамлет достал нож и бросился на обидчика. Тут же среагировал Ваче, метнувшийся наперерез. Он получил ножевой удар в мошонку, а Гамлет — шесть лет тюрьмы. Обидчиком был приехавший на каникулы из Еревана Геворг-хопарь. Он никак не пострадал, как и мой будущий отец, шатающийся в пьяном виде рядом по мостовой. На следующий день в суде Горгом-папа познакомится с Белой-мамой.